

Гермиона смотрела на ужасающую картину, замороженная, ее мысли крутились так же бесполезно, как шины с плохим сцеплением в грязи. Она смотрела, как Гарри баюкал гротескный труп ее двойника, ее дикая коричневая она ниспадала на его руку. Она смотрела на него, ее лоб скривился от боли, а глаза блестели от слез, а он беззвучно плакал, слезы капали на грязный, рваный синий свитер, который был одет на мертвой девушке. Так мягко, что это было почти лаской, он убрал часть ее волос с ее неподвижного лица, бледность которого резко контрастировала с ужасным ошейником, подаренным ей Волдемортом.

И тут тело шевельнулось. Гермиона напряглась, и Гарри сначала подпрыгнул, но потом остановился, наблюдая за происходящим с почти клинической отстраненностью. Тело не двигалось само по себе; ее кожа рябила, мышцы двигались под ней, эффект, который они оба видели раньше. Гермиона увидела, как облегчение отразилось на его лице.

После смерти она возвращалась к естественной форме. Даже в синяках, с постоянным отпечатком испуга в чертах ее, было видно, что она молода и привлекательна. Волосы у нее были черные и прямые, глаза большие и миндалевидные, все еще пустые от смерти, ровно посаженные на бледном красивом лице. Гарри какое-то время почти бесстрастно смотрел на незнакомую девушку, прежде чем его снова вырвало.

Гермиона опустилась на землю под окном, соединяющим комнаты, прижавшись спиной к стене, яростно размышляя. Она не могла попасть в комнату через дверь; у нее не было времени, которое потребовалось бы, чтобы пройти через обереги, поскольку они, очевидно, были привязаны к определенным палочкам. Заклинание *Silencio* предотвратило бы выход любого звука из камеры Гарри, но не помешало бы ее попыткам прорваться, будучи услышанными и остановленными. Может быть, она тоже могла бы сотворить свою собственную, и... все ее мысли были спутаны. Она переплела пальцы друг с другом, крепко сплела их вместе, умоляя себя оставаться сосредоточенной. Пожалуйста, Гермиона, пожалуйста. Не думай о... ней. Ты не можешь позволить себе думать ни о чем, кроме как о том, чтобы вытащить Гарри — и себя — живыми.

Рассеянно она провела рукой по своим волосам, которые довольно внушительно спутались во время ее выступления с плащом и кинжалом до дома Риддлов и обратно. Когда они спускались вниз по ее затылку, ее пальцы слегка задели стену позади нее и скользнули в канавку. Тонкая порошкообразная пыль скользила под ее ногтями.

На ее лице было выражение, которое Рон и Гарри узнали бы, выражение, которое обычно предшествовало разлетающимся кудрям и вздымающейся мантии Гермионы, когда она внезапно неслась к библиотеке. Она медленно повернулась, глядя на мрачное серое пространство стены, омраченное наличием единственной кривой трещины, идущей наискосок через одностороннее окно, от потолка до пола. Ее глаза следили за его извилистым путем, а разум бешено крутился.

С кропотливыми раздумьями Гермиона встала и наложила заклинание безмолвия, надеясь, что два соседних — возможно, перекрывающихся — заглушающих заклинания будут работать друг с другом, гарантируя, что когда она сделает то, что планировала, не раздастся неприятный шум. Даже не взглянув на дверь, она указала на нее палочкой и сказала:

« Коллопорт ». Получившееся хлюпанье было мягким, но Гермиона вздрогнула, как будто она захлопнула дверь, закрывая ее. Она хранила абсолютное молчание, казалось, целую вечность, но после этого не последовало ни шума, ни топота ног, ни швыряния проклятий. Она хотела добавить еще несколько оберегов к двери, но боялась, что их как-нибудь обнаружат. Она присела на корточки, на уровне глаз с частью щели под окном, и посмотрела на нее так торжественно, как если бы это был противник на дуэли. Она убрала сбившуюся с глаз прядь волос и оставила пятно грязи на лбу. Почти благоговейно она провела пальцем по глубокой расщелине.

Затем она глубоко вздохнула, направила палочку на трещину и на короткое мгновение, казалось, готовилась к тому, что должно произойти, тем более что она не знала точно, что должно было случиться.

— Энгоржио! — свирепо прошептала она, и с тихим рокотом и просеянной пылью трещина расширилась. Она закусила губу и в ужасе закатила глаза в сторону двери. Ее палочка дрожала в руке, пока она удерживала ее на расширяющейся трещине, которая зияла все больше. Пыль посыпалась на пол с непрерывным шипением, и Гермиона была в отчаянии уверена, что вскоре весь отряд Пожирателей Смерти ворвется в эту комнату с Авадой Кедаврой в их глазах.

Она опустила палочку, боясь увеличить трещину и обрушить с ней всю стену и потолок. Как только она подошла к созданному ею новому отверстию, охранный детектор на ее палочке стал синим. Проклятие! Но оказалось, что это всего лишь светозащита, которая должна установить, находится ли Гарри там, где он, возможно, и должен быть, и она легко его демонтировала.

Даже втягивая воздух и проскальзывая через открытые ноги под окном, она все еще была тесной. Но затем она внезапно оказалась в камере с зеленоватым оттенком, стоящей перед совершенно сбитым с толку Гарри Поттером. Она наблюдала, как его глаза стали настороженными, перебегая с нее на мертвое тело на полу, и он изо всех сил пытался снова встать, отступая от нее, пока не коснулся каменной стены камеры и не смог идти дальше. Он тяжело дышал, как будто только что пробежал спринт. Ее глаза заслезились, когда острая металлическая смесь крови и рвоты ударила ей в нос.

Она спрятала палочку под мантию и подняла обе руки в своей лучшей манере: «Я не причиню тебе вреда».

— Гарри, — сказала она, изо всех сил пытаясь говорить ровным и деловым голосом. Он жив! Что-то внутри нее пело, он живой и стоит прямо передо мной, в этой самой комнате! — Ты должен пойти со мной. У нас... у нас мало времени.

Он удивил ее, сильно выругавшись. «Итак, кто ты? Это та игра, в которой он позволяет мне думать, что я сбежал?» Он говорил с большим усилием, но хладнокровно изогнул брови, и она была ошеломлена глубиной и ясностью ненависти, сверкнувшей в его блестящих глазах, в то время как все остальное в нем выглядело таким избитым и близким к поражению. «Потому что мы уже сделали это».

Гермиона судорожно покачала головой, низкий дрожащий нечленораздельный звук все, что она могла произнести, не сломавшись полностью. Боже мой, через что он прошел? Прошло всего четыре дня, подумала она, хотя слишком хорошо знала, на что способны Волдеморт и его приспешники. Зеркальное отвращение вдруг заполнило лицо Гермионы, смешанное с состраданием к нему, и это должно было быть ясно видно по блеску ее глаз, раздуванию ноздрей и изгибу губ, потому что он смотрел на нее с чуть большим вниманием. в настоящее время.

"Почему бы вам не спросить меня, что вы спросили ее?" — сказала она ровно, а внутренний голос кричал ей: Спешите, ради любви ко всему приличному! Подозрение не полностью исчезло из глаз Гарри, но было снято.

— Я спрашивал — я спрашивал, почему ты — почему Гермиона — зашла в наше купе в поезде на первом курсе, — сказал Гарри хриплым голосом, который, вероятно, охрип от крика. Подойдя к нему чуть ближе, Гермиона заметила своим проклятым глазом на детали, что в одном его глазу лопнули кровеносные сосуды, и часть радужной оболочки окрасилась в зловеще-красный цвет. Его очки были почти разбиты, но все еще криво и жалко сидели на носу. Часть ее хотела отшатнуться от всего этого — физические доказательства такой бессмысленной жестокости отталкивали ее — но она старалась не прерывать зрительный контакт с ним.

— Я помогала Невиллу искать Тревора, — четко и без колебаний сказала она. «Рон пытался сотворить фальшивое заклинание, которому его научили близнецы на Коросте». Солнечный свет, маргаритки, нежное сливочное масло... Она неумело выталкивала наружу свой разум, не пытаясь ничего сообщить, а просто пытаясь заставить его почувствовать сущность, которую он знал, то самое существо, которое было Гермионой.

Эффект от ее слов — а может быть, и от легилименции — на Гарри был мгновенным, когда его колени подогнулись под ним, и она поспешила удержать его от падения. Ее руки были под его локтями, она изо всех сил пыталась удержать его и, наконец, решила помочь ему сесть на пол. Она села рядом с ним и заметила, что все его тело дрожит.

Он нежно прикоснулся к ней, его грязные пальцы скользили по ее лицу, скользя по ее волосам. В какой-то момент они слегка коснулись влаги, вытекавшей из ее глаз. Спешите, спешите, спешите! Ее пульс гудел в ушах, даже когда ее кожа горела под его прикосновением.

"Ты действительно ты?" — жалобно спросил он голосом мальчика, которого столько раз обижали, что он не верил, что доброта может существовать. «Я почувствовал тебя — я подумал... может быть, я сошел с ума — а потом он привел ее, и — и я подумал, что на этот раз это действительно был ты». В это время? Какая-то отстраненная часть ее мозга ломала голову над словами.

— Это я, Гарри, — тихо сказала она, ее подбородок трясся, когда она остановила его руку своей и обвила его пальцы своими. — Обещаю. Ты можешь встать? Ты знаешь, куда они положили твою палочку? Затем он снова взглянул на нее глазами, побледневшими от горечи и отчаяния, и безмолвно указал в сторону двери.

Гермиона повернулась, ее сердце было в ее рту, неуверенная в том, что он указал, но полагая, что она собирается встретиться с деловым концом чьей-то палочки. Однако он указывал ей на свою палочку, закрепленную прямо над дверным проемом прилипающим заклинанием. Она снова посмотрела на Гарри и увидела, как его челюсти сжались от сломленной гордости.

Эти ужасные, бессердечные ублюдки! — яростно подумала Гермиона, и ее снова охватили сочувствие и боль за то, через что он прошел, не только через физические пытки, но и за моральное и эмоциональное насилие. Они подвергли его длительному воздействию этого ослабляющего поля, зная, что это с ним сделает, а затем оставили его палочку перед его глазами как насмешливое напоминание о том, на что он не способен.

«Солваре!» — сказала она, сбросив заклинание, а затем Акцио взяла палочку. Ее палочка казалась свинцовой и громоздкой, а заклинания, казалось, застряли у нее во рту. Палочка Гарри тяжело упала, с грохотом пронеслась по комнате и неравномерно двинулась к ней. Он не прилетел ей в руку, и она смотрела на него с недоумением. Она повернулась, чтобы посмотреть на Гарри с любопытством и несколько испуганно. Он посмотрел на нее из-под полуприкрытых век. Она взяла палочку и протянула ему, и он взял ее, вертя в руке снова и снова, как будто не совсем понимал, что это такое.

— Это демпфирующее поле, — сбивчиво ответил он на ее невысказанный вопрос. «Это уже влияет на тебя. Я... я не знаю, почему это не влияет на них. Тебе нужно выбраться отсюда». Она вздрогнула от осознания того рода магии, которую «они», вероятно, использовали над ним и перед ним.

— Я не оставляю тебя, — сказала она своим обычным тоном, не терпящим возражений. Он выглядел потерянным, побежденным и пристыженным. Он снова посмотрел на свою палочку.

— Я не могу... — запнулся он. — Я не смогу... — Он попытался вернуть ей письмо.

— Я знаю, Гарри, — хрипло сказала она. — Просто держись, ладно? Он не соглашался и не возражал, и его глаза апатично скользнули по незнакомой девушке, лежащей в луже собственной, теперь застывающей, крови.

«Она была четвертой», — бесцветно сказал он, отстраненность в его голосе контрастировала с его предыдущим горем.

Гермиона как раз собиралась сесть рядом с ним на корточки, пытаясь обнять его за плечи, чтобы выдержать большую часть его веса. Она не была уверена, что сможет справиться с этим. Я не могу левитировать его через эту щель, отчаянно думала она, но при словах Гарри она остановилась и посмотрела на него в ужасе.

"Какая?" — проблеяла она, почти не понимая.

«Четвертая. Она была... четвертой, которую он привел сюда... наверное, тоже маггла... как...

как и остальные». Она могла ясно видеть это, все еще жившее в его избитом, залитом кровью лице... чувство вины. Он уже возлагал на себя вину, что эти девушки мертвы. Он смотрел ей в лицо, всего в сантиметрах от него, когда она пыталась поднять его на ноги. — Все вы, — сказал он тихо, и одна слеза вырвалась из его упрямых глаз, потекла по его грязному лицу. — Я видел, как ты... умирал — четыре раза, и он смеялся. Он... он знал, что... что...

Она сделала один шаг к трещине, затем другой, пытаясь осмыслить то, что сказал ей Гарри. Она слышала, как подошвы его кроссовок громко шуршали по грязному полу, пока он тщетно пытался поднять ноги и идти.

— Что, Гарри? — сказала она, пытаясь казаться небрежной. Еще два шатающихся шага были сделаны к трещине. Они были почти там; клетка была не очень большой.

— Он знал, что не может сделать мне ничего хуже, — внезапно сказал Гарри, и его голос ясно разнесся по крошечной комнате. Гермиона склонила голову и сделала еще один неуклюжий шаг к трещине, слезы текли по ее лицу.

Внезапно ее внимание привлекла палочка, которая начала вибрировать в ее руке, а охранный детектор время от времени вспыхивал и выключался. Кто-то построил здесь новую охрану, и это никак не могло быть хорошо. Она удвоила свои усилия, чтобы добраться до дальней стены, изломанной заклинанием.

"Гермиона!" — вдруг вскрикнул он, застонав от боли и протеста. Его снова сильно трясло, и она задалась вопросом, сколько раз они применяли к нему проклятие Круциатус, сделавшее его мышцы такими слабыми и безразличными, полностью утомленными от постоянного сжимания от боли. Он снова начал падать, и она едва могла его удержать.

— Гарри, прости! — сказала она, и густые слезы заполнили ее голос. «Мы не можем остановиться — мы должны выбраться из...»

Дверь в камеру Гарри распахнулась.

Гермиона побледнела, когда в комнату хлынули Пожиратели Смерти, но инстинктивно оттолкнула Гарри за собой, даже когда они разоружили ее. Раздался пронзительный злобный хохот, а затем она увидела в дверном проеме изуродованное магией, бездушное, красноглазое лицо Лорда Волан-де-Морта.

Гарри пытался выбраться из-за ее спины, но он был настолько слаб, что усилия были жалкими. Рот Волдеморта неприятно раскрылся, и его смех эхом разнесся по комнате. Она боролась с рефлексом съежиться.

— Итак, перед нами настоящая мисс Грейнджер, я прав? — спросил он так гладко, как будто вел вежливую беседу за чаем.

— Я Гермиона Грейнджер, — произнесла Гермиона четким и решительным голосом, вздернув подбородок и окинув всех вызывающим взглядом. Она почувствовала, как Гарри обмяк на ней, и изо всех сил пыталась оставаться в вертикальном положении, просовывая одну руку за себя и переплетая свои пальцы с его пальцами.

— Возьми ее драгоценности, — рявкнул Волдеморт, и один из Пожирателей Смерти рванулся вперед, разорвал ее мантию и грубо схватился за цепочку, блестящую на ее декольте, и вырвал ее. Он также разорвал ее рубашку больше, чем требовалось, и Гермиона попыталась скрепить куски другой рукой, в то время как другие Пожиратели Смерти насмешливо улюлюкали, отпуская непристойные комментарии. Громкий царапающий звук рвущейся ткани тяжело упал в камере. Она почувствовала, как краска залила ее лицо, задаваясь вопросом, как Волдеморт узнал, что ее медальон был волшебным, или это была удачная догадка. Она надеялась использовать его, как только они уйдут от возможных мешающих эффектов демпфирующего поля, зная, что оно было специально настроено для прохождения через обереги.

Волдеморт держал медальон перед собой, раскачивая его на цепочке, и рассматривал его. Он перевел взгляд на Гермиону и, должно быть, увидел испуганное, ожидающее выражение на ее лице, потому что бросил медальон на каменный пол и испепелил его, превратив в облачко серебристого пепла одним быстро пробормотанным заклинанием. Гермиона побледнела, а Темный Лорд усмехнулся:

«Если вы будете стоять перед ним, вас убьют первой, мисс Грейнджер. И я буду иметь особое удовольствие наблюдать, как вы умираете сегодня не раз», — сказал он с безрадостной ухмылкой. Гарри издал какой-то протестующий звук позади нее. Пожиратели Смерти расступились перед ним, и он поднял свою палочку. Она посмотрела на руку, которая лежала у нее на груди, скрепляя изодранную рубашку, и отблеск разбитого кристалла зеленовато мерцал в болезненном сиянии.

— Я не боюсь тебя, — дерзко сказала она, держа Гарри за руку так, словно от этого зависела ее жизнь. Мерлин, пожалуйста, пусть это работает! Она ослепительно улыбнулась Волдеморту и пропела: «Мерцай, мерцай, маленькая звездочка».

Следующее, что осознала Гермиона, это не возмутительный, но и не немалый вес Гарри, который врезался в нее и повалил на землю. Она приземлилась с шумным вздохом, скользя по земле, так как весь воздух был выбит из ее легких. Ее глаза яростно заслезились, когда ее макушка с шумом ударилась обо что-то, и на мгновение она увидела звезды. Затем она подняла глаза и увидела, что конструкция, с которой столкнулась ее голова, на самом деле была стойкой ворот для квиддича. Оно колебалось и мерцало в ее водянистых глазах, пока она пыталась смахнуть слезы с глаз. В ушах звенело.

Она тяжело вздохнула с облегчением, и что-то вроде восторга заставило ее сердце пропустить удар. Сработало, о, сработало! Даже через палаты и все такое! Она совсем не была уверена, что так и будет, и поэтому пыталась выбраться из этой камеры, чтобы воспользоваться медальоном. Ее грудь быстро вздымалась и опускалась, когда она отчаянно пыталась наполнить кислородом свои сжатые легкие, когда поняла, что Гарри все еще лежит на ней наполовину.

Он не двигался.

"Гарри?" — прошептала она, ее голос звучал высоко и дрожал в пустом поле. Она попыталась выскользнуть из-под него, не слишком толкая его. Она понятия не имела, какие еще травмы он получил. Она почувствовала, как напряжение в ее теле возросло до почти невыносимого уровня, пока она не смогла разобрать быстрое, неглубокое дыхание, вырвавшееся из его приоткрытых губ. Ее руки похлопывали его по плечу, по щекам; она провела пальцами по его волосам, ладонями к вискам, и сказала чуть громче: " Гарри? " Именно тогда она заметила, что кровь размазана по ее разорванной рубашке, и она могла видеть, что некоторые из его покрытых коркой раны открылись при ударе. Ее разум снова мчался в своем обычном бешеном ритме.

Она оглядела поле для квиддича. Казалось, что в доме Риддлов прошли дни, но солнце только что полностью скрылось за горизонтом. Она сидела и смотрела, как трава, позволенная буйствовать, была почти до плеч и все еще была влажной от росы. Единственное движение, которое она могла видеть, было движением горстки бабочек, шатающихся в своем пьяном полете. Единственным звуком был ветер в деревьях за полем и случайные трели птичьего пения. Дом скрылся за деревьями. Она глубоко вздохнула и почувствовала некоторое удовлетворение, сдерживающее страх. Она правильно выбрала портключ, сбросив его перед отъездом: поле для квиддича за Норой было прекрасным местом, какое-то время неиспользованным, изолированным, без волшебников и магглов.

Она чувствовала себя странно измотанной и сначала не могла понять почему, но потом вдруг вспомнила о увлажняющем поле. Это уже влияет на тебя , сказал Гарри. Она не хотела аппарировать обратно в переулок за магазином приколов среди бела дня, так или иначе пошатываясь под тяжестью очень раненого Гарри Поттера, но это решило эту загадку. Она могла только надеяться, что ее способности к магии вернутся либо до, либо с наступлением темноты, и что она сможет сделать что-то, чтобы облегчить боль Гарри.

Моя сумка! — вдруг подумала она, лихорадочно ища его. Ремешок порвался, и он приземлился на небольшом расстоянии. Она только надеялась, что все, что там можно было использовать, осталось нетронутым. Как бы то ни было, без палочки она мало что могла бы сделать для Гарри. Если бы я только мог получить его обратно. Она посмотрела на волшебную палочку Гарри, которая немного отодвинулась от его теперь уже расслабленной руки, и подумала, сможет ли она заставить ее работать, вспомнив, как Рон часто плохо работал со старой палочкой Чарли. Она решила, что это лучше, чем совсем ничего, и забрала свою сумку и его палочку.

Зелья были целыми, и она с нетерпением вытащила их, изучая этикетки, чтобы определить, какое из них лучше всего подходит для нужд Гарри. Она осторожно сняла очки с его лица, заметив, что проволочная оправка была согнута, а затем снова приняла форму, а одна линза отсутствует. Она подумала о том, чтобы проверить палочку Гарри и починить его очки, но решила, что ей лучше не рисковать магией, пока не исчезнет эффект демпфирующего поля. Она покачала головой, вспомнив неровный, отрывистый отклик палочки Гарри на ее Акцио , и откупорила выбранное ею зелье.

Она позволила нескольким каплям вязкой жидкости капнуть Гарри в рот и критически

оглядела его раны. Кровь и грязь были повсюду покрыты коркой, и казалось почти невероятным, что он находился в заточении всего четыре дня. Ее мысли тут же вернулись к маленькому пруду за домом Уизли, и она задумчиво посмотрела на Гарри. Могут ли я оставить его одного на время, чтобы пойти за водой?

Она схватила его палочку и направилась к пруду, сжимая в руке моток бинтов. Она остановилась в нескольких шагах, чтобы убедиться, что высокая трава на поле действительно скрыла Гарри из виду, а затем побежала.

Она как можно тщательнее вымачивала рулон бинтов в воде, разум дочери дантиста старался не думать обо всех невидимых микроорганизмах, бурлящих в жидкости. Едва она дошла до края поля, как услышала приглушенный, нечленораздельный крик возле стойки ворот. Она побежала к тому месту, где оставила его, и остановилась рядом с ним. Он издал сдавленный стон, который мог быть ее именем.

«Гарри? Гарри? Я здесь». Его глаза резко распахнулись и остановились на ней, и дрожащая рука потянулась к ней.

— Ты... ты... мы ушли? — пробормотал он. Она позволила легкой улыбке скривить губы и прошептала:

«Мы ушли». Она обратила внимание на промокший рулон бинтов. Потребовалось две попытки очищения с помощью палочки Гарри, чтобы, надеюсь, продезинфицировать воду. Она сжала свободный конец бинта, позволив немного воды попасть ему в рот, и он с благодарностью проглотил ее. Затем она приступила к очистке некоторых из его наиболее бледно выглядящих ран.

"Что теперь?" — спросил он, шипя сквозь зубы на ее манипуляции.

— Мы пытаемся вернуться в Лавку, — сказала она как ни в чем не бывало, не глядя на него. Она расстегнула его рубашку и критически посмотрела на его грудь, которая была черносиней от ужасных синяков. Когда она провела по нему рукой, он застонал, и она подпрыгнула. — Я думаю, у тебя сломаны ребра.

Он пробормотал что-то о сапогах Малфоя, поморщившись, и она откупорила пузырек с густой мазью, встряхивая его в руке, как будто встряхивают бутылку с кетчупом, пытаясь скрыть эмоции, вызванные его словами. Она начала осторожно смазывать его раны мазью, а когда закончила, дала ему еще обезболивающего зелья. Она смазала его открытые раны заживляющей сывороткой, и они оба выпили немного воды. Затем она тщательно вымыла его лицо и руки остатками мокрых бинтов.

Тогда она внимательно посмотрела на него. Волосы у него были всклокоченные и грязные, а лицо все еще темное и бесформенное от синяков, а глаза опухшие, с кровоизлиянием в одном, но он — он все еще был Гарри, ее Гарри, и она так скучала по нему. Его маггловская версия с Обратным соком была совсем другой.

— Рад, что вы пришли, — сказал он с усилием, кашляя в конце фразы. «Не должно было быть... опасно».

"Как я мог не?" ответила она, с ее сердцем в ее глазах, беспомощной, чтобы предотвратить это. Его пронизательные глаза внимательно изучали ее лицо, и он судорожно вздохнул.

— Где... Рон? Необычное время вопроса заставило ее виновато подпрыгнуть.

— Не знаю, Гарри, — сказала она, выбирая откровенность. «Мы искали тебя, и этот медальон был моей связью с ними, и теперь, когда он уничтожен... Я надеюсь, что мы сможем аппарировать обратно, как только стемнеет. не знаю, где бы мы... — Она прекратила свою рассеянную бессвязность, когда увидела, что Гарри снова потерял сознание. Его дыхание было быстрым и неглубоким.

Внезапно она опустила взгляд, поняв, что ее рубашка все еще разорвана, как и все время, пока они разговаривали с Гарри. Неловко вспыхнув, хотя она чувствовала себя глупо, беспокоясь о таких вещах в такое время, она достала запасную рубашку со дна сумки и быстро переделалась, выбросив фрагменты другой блузки.

Она сгорбилась и заняла более удобную позу рядом с ним, переплетая его руки обеими руками и подтягивая все три руки к своему подбородку, его рука была близко к ее сердцу. Теперь ничего не оставалось делать, как ждать.

Со всем стрессом, беспокойством, облегчением и адреналином, которые попеременно переполняли ее организм в течение последних нескольких дней, Гермионе было почти непостижимо, что она могла заснуть — сесть! - рядом с Гарри. Поскольку это был отдаленный шум, похожий на множество фейерверков, вырвавших ее из крепкого сна. Она растерянно моргнула, глядя на высокую траву, которая окружала ее, пытаясь точно вспомнить, где она была и что произошло. Гарри беспокойно ерзал рядом с ней, и воспоминания нахлынули на него.

И это означало, что звуки, похожие на фейерверки, были...

— О, — едва слышно выдохнула Гермиона. «О, о, о... о, черт!» — сказала она, лихорадочно оглядываясь по сторонам. Как, черт возьми, они отследили чертов портключ? Я не должен был оставаться здесь! Я не должен был оставаться здесь! Она ругала себя, зная, что, хотя это заняло у них несколько часов — солнце уже давно миновало зенит, — последователи Волдеморта каким-то образом преследовали их.

Она могла слышать далекие крики, а также шум соседей. Оставайтесь в своих домах, пожалуйста! — пылко подумала Гермиона. Шум приблизился, когда Пожиратели Смерти собрались у дома. Ветер ясно доносил звуки, хотя Норы она не видела.

"Защита от аппарации!" пришел один приказ, и Гермиона испуганно смотрела в небо, ожидая

предательского мерцания. Была ли она достаточно далеко за пределами досягаемости? Она с сомнением посмотрела на палочку Гарри. Должна ли она рискнуть аппарировать Гарри и, возможно, расщепить их обоих? Или она должна перезагрузить портключ своими собственными нестандартными магическими способностями и чужой палочкой?

«Мы можем оказаться где угодно!» — пробормотала она себе под нос, чувствуя, как ее лоб покрывается холодным потом. Ее глаза метнулись к Гарри. — Думаю, где угодно лучше, чем здесь. Послышался стремительный шум, и Гермиона смогла разглядеть пламя за деревьями. Нора сгорела.

— *Portus exaudio*, — заклинала она, постукивая по своим часам палочкой Гарри. Часы не светились. Она повторила заклинание, чуть больше отчаяния в ее голосе. «Черт возьми ! » — выругалась она, хотя и с досадой вспомнила, что это все равно не имеет значения. Она не могла портключ и рискнуть привести Пожирателей Смерти в Магазин. Если бы они проследили его один раз, они, возможно, смогли бы проследить его снова. Она услышала приближающиеся голоса и рискнула выглянуть из-за высокой травы поля.

Два Пожирателя Смерти стояли на краю деревьев, тянувшихся между полем и Норой. Их речь доносилась до нее ясно.

— ...хочет вернуть мальчика. Но он сказал... что нам нравится с девочкой... при условии... заставить Поттера смотреть. Один из них искоса посмотрел на другого и подтолкнул его, и Гермиона почувствовала, как ее охватывает горло. Ее дрожащие руки выдавали ее душевное состояние, когда она смотрела на непокорную палочку.

Могу ли я достаточно сконцентрироваться, чтобы аппарировать? Подумайте об аллее за магазином приколов. Она закрыла глаза и с усилием наморщила лоб, но ее мысли были так измотаны, что она решила, что они наверняка разлетятся в щепки, возможно, необратимо.

"Я должен сделать это!" — сказала она тихим шепотом, глубоко вздохнув и заставив себя замедлиться, успокоиться. Ее сердце все еще прыгало в груди, как испуганный кролик. Пожиратели Смерти начали медленно осматривать поле, хотя их небрежный вид говорил о том, что они не думали, что их поиски здесь будут плодотворными. "Гарри?" она наклонилась, ее голос был едва слышен. Он застонал в ответ, и она отчаянно зашикала на него. «Ты должен сесть за меня. Мы должны аппарировать сейчас. Это не будет хорошо». Он закатил на нее остекленевшие глаза, и она отчаянно искала понимания.

— Ладно, — тихо проворчал он, морщась, но изо всех сил пытаясь не закричать, когда Гермиона усадила его, закинув сумку на плечо. Она крепко обняла его другой рукой и закрыла глаза. Подумайте о трех "Д", она все еще могла услышать, как интонирует ровный голос инструктора.

Раздался громкий треск, и за бесконечно малый миг до Исчезновения она услышала крики Пожирателей Смерти.

Их материализация была почти такой же грубой, как и приземление портключа. Ноги Гермионы выскользнули из-под нее, когда она упала, столкнувшись с твердой бугристой поверхностью и пытаясь защитить Гарри от сильнейшего удара. Она могла бы заплакать, когда ее руки сильно царапали абразивный гравий переулка за «Волшебными хрипами» Уизли, но не от боли.

— О, слава Мерлину! она услышала свое прерывистое бормотание, а затем остановилась, удивляясь, почему так много конечностей переплелись с ее руками.

— Гермиона? — раздался недоверчивый голос, который она сразу узнала.

"Рон?" Голос Гермионы отражал его замешательство. "Что случилось?"

— Ты чертовски хорошо аппарировала прямо на меня, вот что случилось, — сказал Рон тихим, недовольным голосом, который никак не мог скрыть, как он был рад ее видеть. «Мы искали вас несколько часов».

— Он уничтожил мой медальон, — сказала Гермиона, пытаясь выпрямиться, держа одну руку под Гарри.

— Кто уничтожил... — Рон прервался и сменил тактику, когда заметил, что рядом с ним и Гермионой навалено лишнее тело. «Черт возьми, Гермиона. Ты сделала это. Как он?» Гермиона бросила на него раздраженный взгляд.

— Он был в нежной и любящей заботе Волдеморта четыре дня, — прошипела она. — Как ты думаешь, что с ним? Давай затащим его внутрь. Будь с ним осторожен, — с тревогой добавила она, когда Рон левитировал Гарри и открыл заднюю дверь.

В магазине приколов она чувствовала себя обнаженной и незащищенной, когда они низко наклонялись, чтобы увернуться от окон, выходящих на Косой переулок, суэта которого казалась ей чем-то зловещим. Она заметила, что Рон старался, чтобы рост Гарри был ниже уровня окна. Она придержала для них дверь лаборатории и вздохнула немного легче, когда они все оказались внутри.

— Тебе придется открыть дверь, — сказала она с досадой. «Волдеморт забрал мою палочку». Нить раздражения пронизала ее тон. Рон осторожно опустил Гарри на пол и палочкой открыл потайную дверь. Гермиона с тревогой наблюдала за Гарри.

— Ты ушел от Волдеморта без палочки? Рон смотрел на нее широко раскрытыми глазами.

«Ну, у меня была волшебная палочка Гарри, но она не очень хорошо на меня подействовала», — призналась она, когда Рон снова левитировал Гарри, и они осторожно спустились по лестнице. Ей показалось, что она услышала, как ее рыжеволосая лучшая подруга саркастически фыркнула.

"Не работал на вас очень хорошо!" Его голос разрывался между восхищением и отвращением. Она бы рассмеялась, если бы ситуация не казалась такой ужасной. Гарри снова потерял сознание, и как повлияют на него их полеты и грубые приземления? Она задавалась вопросом, сколько времени потребуется его магии, чтобы восстановиться – если вообще восстановится – и как он справится с ней за прошедшее время. Она подумала о мертвой девушке и о том, как быстро и бессмысленно унесла ее смерть, и дрожь пробежала по ее стройному телу.

Из-за угла они подошли к широкой открытой двери Комнаты Войны, где остальные члены Ордена, за исключением мистера Уизли, снова сгруппировались вокруг радио.

— Черт возьми, — лаконично сказал Фред, его челюсть немного отвисла. Остальные члены Ордена выглядели так, словно с радостью поддержали мнение Фреда. Рон вел Гарри по коридору и остановился перед дверью в комнату Джинни, к которой Гермиона логически не могла придираться, поскольку это был своего рода лазарет, а также единственная комната, где были настоящие кровати, а не койки.

Мистер Уизли развалился в кресле с подлокотником рядом с кроватью Джинни и вдвойне удивился, когда Рон осторожно усадил Гарри на другую кровать, а остальные члены Ордена столпились в дверном проеме, наблюдая за ним широко раскрытыми глазами.

Профессор МакГонагалл прошла вперед и начала рассматривать Гарри, а Гермиона стояла у его головы, следя глазами за каждым движением директрисы.

— Вы хорошо поработали с полевой медициной, мисс Грейнджер, — объявила она наконец, начав использовать исцеляющие чары, которые Гермиона не доверяла себе. Она посмотрела на Гарри, слегка расслабившись, когда его дыхание, казалось, стало легче.

Через мгновение профессор МакГонагалл, казалось, была удовлетворена, отметив лишь, что удивительно, что его травмы были такими поверхностными. Гермиона была на грани протеста, зная, что есть раны, которые не так легко обнаружить и которые не так легко заживают. Она остановилась, еще раз взглянув на Гарри, и предложила им пройти в военную комнату, чтобы она могла рассказать им, что именно произошло.

Ремус и мистер Уизли остались, чтобы одеть Гарри в чистую одежду, и Гермиона начала свой рассказ, как только они прибыли.

— Я не знаю, что ты сделала, Гермиона, но должен сказать, что это была блестящая работа во всех отношениях, — сказал Ремус, опускаясь в кресло и качая головой. Остальные согласились, а Рон бросил на Гермиону оценивающий взгляд.

— Подумай, как хорошо бы все получилось, если бы ей оказали помощь, как и предполагалось, — многозначительно заметил он, и Гермиона покраснела. Она надеялась, что он не сразу это понял.

«Рон, к тому времени, как я понял, что могу использовать подкрепление, я уже был в доме. Я

не собирался рисковать уйти и не иметь возможности вернуться к нему».

— Ты сказал, что Волдеморт уничтожил твой медальон! Тебя могли убить, — горячо сказал Рон.

«Я мог погибнуть, упав с лестницы!» — возразила Гермиона, и Рон покраснел.

— Тебя даже не беспокоит, что мы вернулись сюда с утра, все мы, до смерти беспокоясь о том, где ты был?

— Рон... — попытался вмешаться Ремус, но Гермиона перебила его.

— Волдеморт забрал мою палочку, Рон! В камере Гарри было демпфирующее поле, и оно отключило мою магию. Я боялся что-то делать с палочкой Гарри и в итоге сделать Мерлин знает что! Я собирался дожидаться наступления темноты, чтобы аппарировать. Если бы Пожиратели Смерти не... — она резко остановилась, выглядя глубоко виноватой. Рон стал очень неподвижным.

— Если бы у Пожирателей Смерти не было чего? он спросил.

«Мой портключ был настроен на поле для квиддича за вашим домом», — вздохнула она. «Они проследили это». Рон побледнел, и Гермиона поспешила добавить: — Но я не использовала его, чтобы вернуться сюда. Я аппарировала. Все должно быть в порядке.

"Дом?" — спросил он голосом, надломившимся на середине единственного слога, и Гермиона поняла, что неправильно поняла его панику. Ее глаза наполнились слезами.

«Они сожгли его». Прошептала она. Она посмотрела на Фреда и мистера Уизли, словно ища прощения. «Рон, я...» она потянулась к нему, но он отпрянул от нее с такой силой, что перевернул свой стул и взволнованно принялся ходить вокруг входа в Военную Комнату, как большая кошка в клетке.

— Гермиона, вы никак не могли ожидать, что они отследят портключ. Я даже не знал, что это можно сделать, — сказал мистер Уизли сочувствующим, но все же довольно отсутствующим голосом.

— Она могла пойти за помощью, как мы и договаривались! — сердито сказал Рон. — Не пойми меня неправильно, я рад, что он в безопасности. Но ты ... тебя могли убить, Гермиона. Ты ничего не помнишь, что я говорил тебе на этой неделе? Гермиона вспомнила. Я не думаю, что вынес бы это, если бы с тобой что-то случилось .

— Но Гарри... — выдавила она, прежде чем ее горло полностью сжалось.

"Гарри!" Рон казался разгневанным, но в его голосе было что-то еще. — Гарри? С тобой всегда Гарри!

— Рон! — резко выругалась Тонкс.

— Довольно, Рон, — устало сказал отец. Рон выругался и швырнул опрокинутый стул через всю комнату, где он ударился о стену, прежде чем скрыться из виду. Несколько секунд напряженной тишины, прежде чем они услышали, как хлопнула дверь.

«Я... я сожалею», — сказала Гермиона остальной группе, чувствуя стыд за то, что после их разговора о том, что она не рискует собой без необходимости, что она не является расходным материалом, что она в конце концов ушла сама по себе. — Если бы ты был там, если бы ты видел... ч... его, ты... ты бы...

— Я верю, что ты поступила так, как считаешь нужным, Гермиона, — мягко сказал мистер Уизли. «Рон... через многое прошел, я... многое потерял. Он не хочет потерять и тебя». У Гермионы горело горло, а в глазах щипало. Со всем, через что они прошли за последние несколько дней, было удивительно, что кто-то еще не развалился на куски.

— Я знаю, — прохрипела она.

— То, что ты сделала для Ордена, — заговорила Тонкс, глядя на нее нежным взглядом, — невероятно. Вернуть Гарри было бы в любом случае замечательно, но, учитывая его силу и то, как его присутствие поднимет боевой дух... плюс с Пророчеством... — он остановился. Гермиона покачала головой, и слеза одиноко скатилась по ее щеке.

— Нет силы, — сумела выдать она, все еще с трудом проталкивая слова сквозь комок в горле.

— Увлажняющее поле? — спросил Фред, сначала поняв, что она имеет в виду. Она кивнула.

«Он был специально предназначен для него. Они... прикрепили его палочку над дверью его камеры, внутри. Чтобы он мог... чтобы он мог ее увидеть, зная, что не сможет дать отпор».

— Возможно, вам лучше рассказать нам все сейчас, — мягко подсказала МакГонагалл, и Гермиона излила всю грязную историю, дополненную ужасной смертью магла и краткими комментариями Гарри о том, через что он прошел за последние четыре дня, опустив только его замечание, Он знал, что ничего хуже он не мог бы сделать мне. Это было слишком личное, слишком откровенное, и она не могла, не могла говорить об этом перед отцом и братом своего парня.

— Если он собирался публично казнить Гарри, то это будет огромным ударом по его гордости. Волдеморт не остановится ни перед чем, чтобы вернуть его, — серьезно сказал Ремус.

— Гарри что-нибудь говорил о безопасности Магазина? — настойчиво спросила Тонкс, наклоняясь через стол к Гермионе.

— Нет, — сказала Гермиона. — Он был немного не в себе. Но если... если Магазин был скомпрометирован, не... разве Волдеморт уже не пришел?

«Наверное», — Тонкс была в режиме аврора, сцепив пальцы под подбородком и явно яростно размышляя. — Но теперь он знает, что ты жив, тогда как раньше он только догадывался. Прибавьте к этому ваше вчерашнее появление в Лютном переулке, и... и...

— А известная связь Уизли с этим магазином... — вмешался Фред. Все серьезно посмотрели друг на друга.

— Они придут, — закончил за них Ремус без тени сомнения или неуверенности в голосе. Гермиона почувствовала, как дрожь пробежала по ее телу. Стоя перед ним, ты только убьешь. Сначала прозвучало в ее голове, а затем обвинение Рона: «С тобой всегда Гарри!»

«Мы должны начать собирать вещи», — сказала Тонкс. — Может быть, завтра нас отсюда вывезут.

«Должен ли Гарри быть перемещен?» — внезапно выпалила Гермиона, а затем почувствовала себя глупо. Тонкс смотрела на нее с проблеском понимания в глазах.

«Ты уже дважды перемещал его», — поддразнила она. «Я думаю, с ним все будет в порядке. Почему бы тебе не отдохнуть? Ты определенно этого заслуживаешь». Аврор нежно положил руку на плечо Гермионы. — Должен вам сказать, у нас там гости отдыхают.

"Кто?" Однословный вопрос Гермионы превратился в задыхающийся вздох.

— Луна... и Невилл, — ответила Тонкс. «Отец Августы и Луны — не выжил. Очевидно, они объединились, спрятали детей. Пожиратели смерти убили их, но не смогли найти Невилла или Луну». Во время заявления Тонкс рука Гермионы поднялась ко рту.

— А как насчет Флер? Перси? — спросила она вслух, но Тонкс только грустно покачала головой.

— Мы не смогли их найти. Мадам Помфри тоже... Флитвик...

— Хагрид? — предложила Гермиона.

— До сих пор нет ни слова с тех пор, как он путешествовал по континенту. Возможно, пройдут месяцы, прежде чем мы получим от него известие, с такой связью. Он, вероятно, даже не

знает, что произошло... если он вообще еще жив, — устало добавила Тонкс, трясась. ее голову от плохих новостей, которые казались восходящими и вечными. — А теперь иди. Спи.

— Ладно, — отстраненно сказала Гермиона и встала, хотя ей очень не хотелось возвращаться на свою койку, в комнате, где был Рон. Медленно двигаясь, как будто дневной стресс, наконец, настиг ее, она скользила по коридору в тумане и с удивлением обнаружила, что, открыв дверь, столкнулась с двумя выздоравливающими. На самом деле она не собиралась приходить в эту комнату. Тем не менее, ее ноги несли ее к кровати Гарри, словно движимые какой-то другой силой. Она опустилась на колени у кровати и оперлась локтями на матрас. Его темные волосы блестели в полумраке комнаты, и она решила, что Люпин или мистер Уизли наложили на его волосы очищающие чары. Он уже выглядел намного лучше.

— Привет, Гарри, — тихо прошептала она. — У меня не было возможности сказать тебе, как я рад, что ты вернулся и что с тобой все в порядке. Я хотел, чтобы ты знала, что я... — Он беспокойно пошевелился и невнятно пробормотал:

— Х'миона? С большим усилием он повернул голову, чтобы полностью рассмотреть ее. Гермиона знала, что ее лицо должно озарить сияющая глупая улыбка. Он скользнул одной рукой по кровати ладонью вверх, обнажая пальцы, на которые наложили шину, пока срастались кости. Она с радостью вложила свою руку в его. «Правда ты?»

— Это действительно я, — подтвердила она. «Ты в Магазине. Теперь все будет хорошо». Она задавалась вопросом, действительно ли она имела в виду это, но он, казалось, видел сквозь ее заявление оптимизма.

"Как плохо?" — спросил он, и она намеренно неправильно его поняла.

«Твои травмы несерьезные», — ответила она. «Профессор МакГонагалл считает, что с вами все будет в порядке». Он старательно покачал головой.

«Война... насколько плоха?» Он говорил сквозь стиснутые зубы, и Гермиона могла сказать, что он пытался сберечь силы, делая свои заявления резкими и краткими. Ох уж это, мрачно подумала она. Конечно, он хотел бы знать. Она встретила его взгляд неотрывно и почувствовала, как его пальцы на мгновение сжались вокруг нее.

— Это плохо, Гарри, — искренне сказала она.

— Джинни? он закатил глаза в сторону лежащего на другой кровати, и Гермиона почувствовала, как ее сердце невольно сжалось от боли, когда Практичная Гермиона начала ругать мысль о ревнивом поведении в такое время.

«Она получила частичный эффект проклятия. Мы не знаем, что это сделало и как это исправить. Сейчас она стабильна», — сообщила ему Гермиона. Он все еще смотрел на Джинни.

"Больница?"

— У Пожирателей Смерти получилось, — категорически сказала она. Гарри, казалось, некоторое время обдумывал это и молчал так долго, что Гермиона подумала, что он, возможно, снова заснул, но, наконец, его ресницы затрепетали, и его взгляд вернулся к ней.

"Кто еще?" Гермиона поджала губы, точно понимая, что он имел в виду. — Гарри... — начала она нежным голосом. Гарри смотрел на нее с опаской, как если бы он знал, что новости не будут хорошими. Она быстро дала ему список членов Ордена, присутствующих в Магазине, не забыв с благодарностью добавить в список имена Луны и Невилла, и с тревогой наблюдала, как его глаза наполнились слезами.

"Вот и все?" — недоверчиво прохрипел он, когда слезы слабо покатались по его вискам и в волосы. — Миссис... Уизли?

— Прости, Гарри, — сказала Гермиона, закрывая рот, потому что ее челюсть начала дрожать. Она не собиралась плакать перед ним, не тогда, когда он нуждался в ней, чтобы быть сильной.

— Где Рон? — рискнул он после долгого молчания.

— Хочешь, я достану его для тебя? — сухо спросила она, все еще пытаясь подавить нарастающие эмоции.

— Вы снова ссоритесь? — спросил он, бросив на нее озабоченный взгляд. Она была так поражена, что убрала свою руку из его, сложив ее вместе с напарником себе на колени. На его лице мелькнула слабая ухмылка.

"Откуда ты знал это?" спросила она, полуулыбаясь, немного неохотно.

— Всегда знаю... Я тебя знаю. Всегда могу сказать, — пробормотал он, немного ерзая на кровати и морщась. Ее брови тревожно нахмурены.

— Мне пора идти, — сказала она, хотя на самом деле ей этого не хотелось. Она уже наполовину встала с колен, когда дверь открылась. Гарри потянулся к ней с удивительной быстротой, поймав ее запястье распушенными пальцами.

— Нет. Останься, — умолял он, и Гермиона подняла глаза и увидела Рона, стоящего в дверях. Должно быть, мое лицо полно вины, подумала она, раздражаясь на себя. Лицо Рона было непроницаемо.

— Думал, что найду тебя здесь, — вежливо сказал он, заставив Гермиону бросить на него взгляд. Черты его лица ничего не выдавали, и это сбивало с толку Гермиону, поскольку Рон обычно держал свои чувства в рукаве.

"Рон!" Гарри вздохнул, его глаза сверкнули, когда Рон подошел к кровати. Лицо Рона расслабилось, когда он увидел присутствие Гарри.

«Приятно снова видеть тебя, приятель. Не думал, что мы встретимся», — откровенно сказал он. Гермиона почувствовала волну облегчения, когда Рон сел на стул, который занимал его отец, расположенный между двумя кроватями. По крайней мере, он не собирается драться со мной сейчас, на глазах у Гарри. Она опустилась на колени рядом с кроватью Гарри.

— Я тоже так не думал... — выдавил Гарри. Его рот был приподнят в легкой улыбке, но глаза были остекленелыми и отсутствующими. Гермионе стало интересно, как долго он будет видеть в своих кошмарах сцены из дома Риддлов.

— Думаю, Гермиона рассказала тебе о... о... Рон попытался закончить, но сдался, когда Гарри кивнул.

— Она сказала мне, — тихо сказал он. «Извините. Если я...»

— Это не твоя вина, Гарри, — тяжело сказал Рон. «Никто здесь так не думает. Мы просто рады, что ты вернулся».

— Ничего хорошего, — с трудом произнес Гарри, звуча рассерженно. «Не могу драться... чертов сквиб». Внезапно ему показалось, что он задышал чаще, и Гермиона обеспокоенно прижала тыльную сторону ладони к его лбу.

— О чем он? — спросил Рон, с любопытством глядя на Гермиону. Ее встревоженные глаза неуверенно метнулись к Гарри, и она попыталась едва заметно покачать головой Рону.

"Не говори обо мне... как будто меня здесь нет!" Гарри внезапно залаял полным предложением и приподнялся на локтях.

— Прости, приятель, — тихо сказал Рон, а Гермиона добавила:

— Гарри, ложись, пожалуйста. Он выглядел так, словно хотел возразить, но снова лег, и по его слабо дрожащим мышцам Гермиона увидела, как сильно его утомило даже это небольшое усилие. Он молча смотрел на них, его усталые глаза противоречили мятежному сжатию челюсти. Гермиона встала, разминая колени.

— Пошли, Рон, — тихо сказала она, внезапно почувствовав себя такой же усталой, как выглядел Гарри. «Мы вернемся позже». Рон придержал перед ней дверь и вывел ее наружу легким прикосновением к спине. Она посмотрела через плечо на дверь и была поражена, увидев, как Гарри смотрит, как они уходят, с задумчивым выражением сожаления и тоски на лице.

<http://tl.rulate.ru/book/80752/2456992>